

УДК 902 (511)

П.И. Шульга

ОСОБЕННОСТИ УГАСАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ РАННЕСКИФСКИХ КУЛЬТУР В VI В. ДО Н.Э. НА ВОСТОКЕ ЕВРАЗИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)*

Полученные в последние десятилетия материалы из погребальных комплексов в Казахстане, на Алтае и в Туве демонстрируют кардинальные различия между памятниками раннескифского и скифского периодов. Столь значительные изменения облика кочевнических культур в VI в. до н.э., по мнению многих исследователей, произошли в течение нескольких десятилетий. Вместе с тем опубликованные в последнее время материалы могильников скифоидной культуры юйхуанмяо VII–V вв. до н.э. (Северный Китай) показывают, что там подобная трансформация погребального обряда и инвентаря происходила постепенно, примерно с конца VII до рубежа VI–V вв. до н.э. Исходя из положения о синхронности изменений в кочевнических культурах степного пояса Евразии, можно предположить, что в Казахстане, на Верхней Оби, Алтае и в Туве хронологический разрыв между памятниками раннескифского и скифского периодов также составлял около столетия.

Ключевые слова: раннескифский период, кочевнические культуры, синхронизация, хронология, культура юйхуанмяо.

К настоящему времени в восточной части степного пояса Евразии исследованы тысячи захоронений, относимых к различным кочевническим культурам раннескифского времени. По мнению многих российских исследователей, одним из наиболее ранних памятников кочевнической элиты является курган Аржан-1, находящийся в Туранской котловине между Монголией и Минусинской котловиной, где всадничество, по всем данным, появляется раньше, чем на соседних территориях. К тому времени там имелись оптимальные природно-климатические условия, и не случайно в Минусинской котловине обнаружены наиболее ранние бронзовые удила и псалии [1, 2, 3], а в Монголии, судя по изображениям на оленных камнях, культ воина колесничего и всадника существовал уже в IX в. до н.э. Аржан-1 датируется по-разному: VIII в. до н.э., а с учётом радиоуглеродных дат – около 800 г. до н.э. [см.: 4. С. 102] и даже концом IX в. до н.э. Подавляющее же большинство комплексов раннескифского времени от Казахстана и Урала до Забайкалья и Северного Китая датируются примерно VII в. до н.э. Наиболее уверенно на указанной территории вычленяются погребальные вещевые комплексы финала раннескифского времени, в частности, в предгорьях Алтая (Гилёво-10, Измайловка), в Горном Алтае (Бойтыгем-2, Элекмонар-2) и в Туве (Аржан-2, Чинге-Тей-1). К сожалению, все имеющиеся даты являются приблизительными и относительными, в том числе и по Аржану-1, поскольку

этот богатый материалом, но очень своеобразный памятник до сих пор стоит особняком среди курганов алды-бельской культуры.

В последние десятилетия финал раннескифских культур на востоке Евразии обычно относят к концу VII или началу VI в. до н.э. Вопрос о причинах их угасания и обстоятельствах формирования пришедших на смену культур VI–III вв. до н.э., как правило, не рассматривается. Исключением, пожалуй, является лишь ситуация в Горном Алтае. Л.С. Марсадолов, одним из первых обративший пристальное внимание на «разрыв культурных традиций между памятниками VIII–VII и VI–IV вв. до н.э.», видел причину в приходе на Алтай новой группы кочевников с территории Турции. Он полагал: «Прибывшие кочевники (предки пазырыкцев) принесли с собой на Алтай свои традиционные обряды ... заняли «ключевые» долины в Туэкте и Башадаре ... и подчинили ранее проживавшие на этой территории местные майэмирские племена ...» [5. С. 36]. Княжеские курганы пазырыкцев Башадар-2 и Туэкта-1 датировались им 585–570 гг. до н.э. [6. С. 23; и др.]. По мнению А.А. Тишкина, поздние памятники бийкенской культуры (типа Бойтыгем-2) существовали в Горном Алтае до середины VI в. до н.э., и население бийкенской культуры было непосредственно вытеснено пазырыкцами, осквернявшими и разрушавшими могилы предков покорённого народа [7. С. 111–112]. Согласно В.А. Могильникову, пазырыкская культура сформировалась из двух основных групп местного раннескифского населе-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 12-01-00301а) «Хронология и синхронизация погребальных памятников VIII–III вв. до н.э. кочевников Саяно-Алтая и Северного Китая».

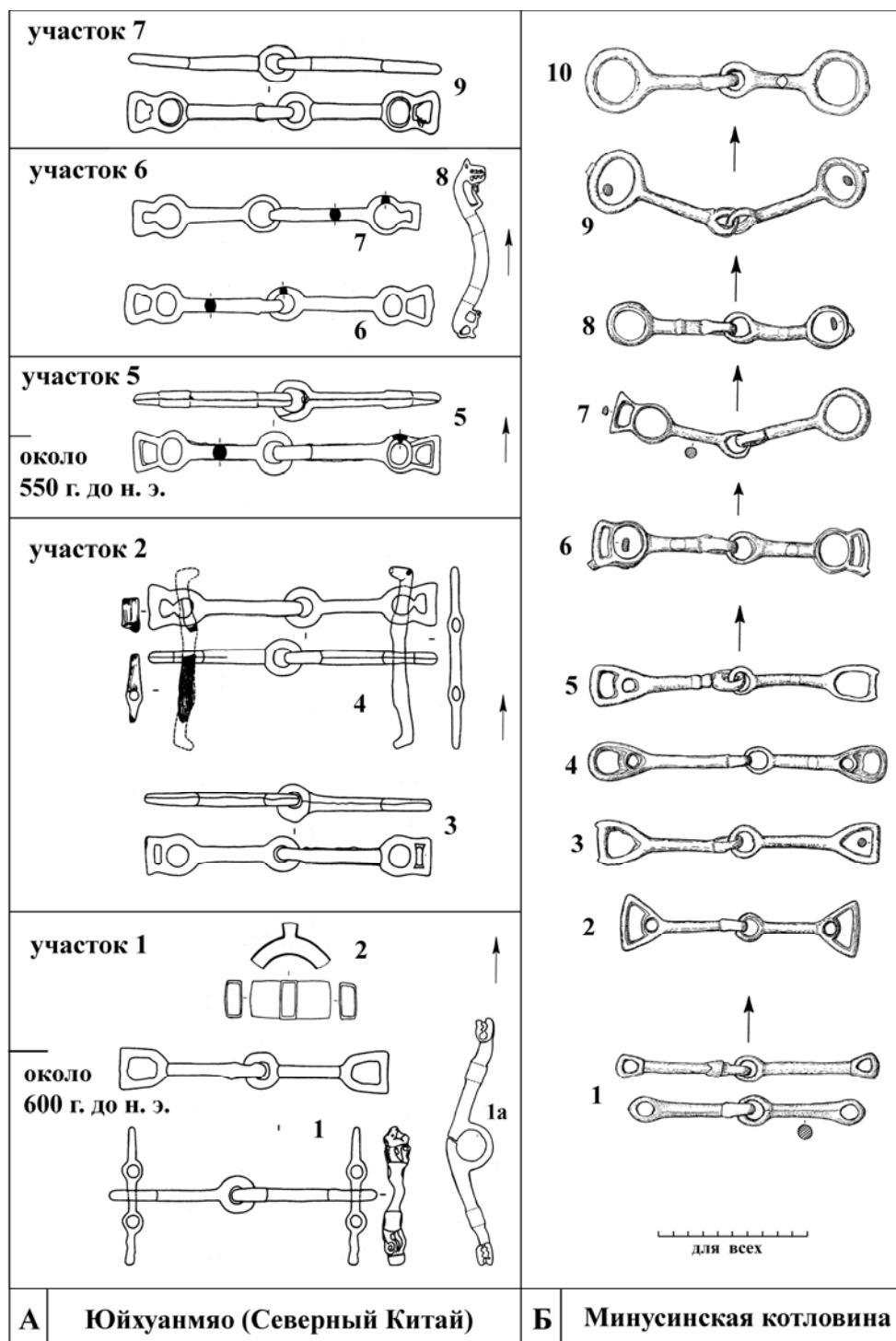

Рис. 1:

А – эволюция бронзовых удил на могильнике Юйхуанмяо за период примерно с конца VII по конец VI вв. до н.э.;
 Б – эволюция бронзовых удил в Минусинской котловине с эпохи поздней бронзы по V в. до н.э. (по: [3])

ния и «представляет, по-видимому, сложное образование, сложившееся к концу VI в. до н.э. в результате взаимодействия местного населения ... и

продвинувшегося сюда населения из степей восточного и юго-восточного Казахстана» [8. С. 53]. Эту точку зрения поддерживал и А.С. Суразаков

[9. С. 7, 80–81]. Все они предполагали непосредственные контакты или столкновения местного и пришлого (пазырыцкого) населения, которое и обусловило «внезапность» изменения культурного облика. Расхождения по времени этих событий составили около столетия - от начала до конца VI в. до н.э. Автор данной статьи придерживается несколько иной точки зрения: между известными в Горном Алтае раннескифскими и пазырыцкими погребальными комплексами имелся не только культурный, но и значительный хронологический разрыв протяжённостью более полувека [10. С. 25; 3. С. 13].

В Туве финальные памятники алды-бельской культуры (Чинге-Тэй-1) относятся к началу VI в. до н.э. [11. С. 368]. Вместе с тем и А.С. Суразаков разделяет мнение о существовании «алды-бельской культуры в рамках VII–VI вв. до н.э. и сосуществовании наиболее поздних её памятников в конце VI – начале V в. до н.э. с ранними комплексами уюкского типа» [4. С. 132]. Иными словами, допускается, что отдельные группы алды-бельского населения сохраняли свою специфическую культуру даже в начале V в. до н.э. На наш взгляд, для подобных предположений о наличии в полосе степного пояса застойных территорий с законсервированными на целое столетие ранними формами погребального обряда и инвентаря, пока нет оснований. По имеющимся данным, в Туве, как на Алтае и в других горных местностях, исторические процессы протекали примерно с одинаковой скоростью. На это указывает и отсутствие в Туве могильников, где бы типично алды-бельские захоронения в течение VII–VI вв. до н.э. постепенно трансформировались в уюкско-саглыньские.

По всей видимости, в Туве, как и на других территориях к западу до Урала и Поволжья, в VI в. до н.э. имела место эпохальная смена культур. При этом на территории Казахстана, Алтая и Тувы между культурами VIII–VII вв. до н.э. и VI–III вв. до н.э. была определённая временная пауза. К сожалению, о длительности этой паузы можно лишь гадать, поскольку мы почти ничего не знаем о возможной скорости фиксируемых изменений. Они могли происходить постепенно в течение века, скачкообразно за несколько десятков лет или просто привнесены мигрантами. Можно было бы обратиться к материалам относительно изолированной тагарской культуры Минусинской котловины, не претерпевшей столь значительных изменений в VI в. до н.э. Однако из-за специфичности инвентаря, а также отсутствия в тагарских захоронениях конского снаряжения и поясной фурнитуры синхронизировать последовательность проис-

ходивших там изменений с Алтаем и Тувой пока проблематично. Ещё меньше возможностей проследить эволюцию инвентаря VI в. до н.э. в Монголии.

Несомненный интерес представляет Синьцзян. В его северной части, включая Тянь-Шань, на ряде памятников также заметен культурный и хронологический разрыв между захоронениями раннескифского времени VIII–VII вв. до н.э. и скифского времени. Вместе с тем там известны и однокультурные могильники (культуры чауху и могильник в Дунхэйгоу), функционировавшие с VIII–VII по V в. до н.э. Важно подчеркнуть, что у продолжавшего обитать на прежних местах местного населения не произошло консервации культуры. Изменения форм и набора погребального инвентаря происходили там постепенно и соответствовали зафиксированному в Казахстане, Туве и на Алтае [12]. Северная часть Синьцзяна в VIII–III вв. до н.э. входила в круг культур указанной территории, а потому теоретически там можно проследить выпавшее у нас звено явлений, происходивших в VI в. до н.э. К сожалению, кризис VI в. до н.э. коснулся и культуры чауху. Даже на полностью изученном могильнике Чаухугоу-4 из 248 исследованных могил к VI–V вв. до н.э. относятся менее десятка. Датированных вещей там сравнительно немного.

Как ни парадоксально, но возможность в деталях проследить изменения раннескифского инвентарного комплекса, происходившие в VI в. до н.э., появилась совсем недавно, после публикации материалов из кочевнических могильников, расположенных неподалёку от г. Пекин [13, 14].

На самом крупном из них могильнике Юйхуанмяо исследовано 400 погребений, датированных концом VII–VI в. до н.э. Обнаружено большое количество инвентаря, в том числе почти 18 тысяч бронзовых изделий, включая собственно китайские сосуды и оружие из Средней Хуанхэ. Среди них 4 клевца гз, 86 кинжалов, 305 наконечников стрел, 137 ножей, 38 кельтов и топоров, 31 «долото», 108 шильев, 92 игольника, бронзовые сосуды и многое другое. Обнаружено большое количество деталей конского снаряжения (18 комплектов удили; 19 псалиев, 10 распределителей и др.) (рис. 1) и поясной фурнитуры (33 поясных застёжки, 1062 поясных обоймы и тысячи различных подвесок). Китайские исследователи склонны датировать могильник в рамках периода Чуньцю (около 770–470 гг. до н.э.). В действительности он может быть датирован не ранее середины - конца VII в. до н.э. и не позже конца VI в. до н.э. В этом нетрудно убедиться даже при беглом ознакомле-

нии с материалом. Самые ранние удила с псалиями, кинжалы и наконечники стрел соответствуют инвентарному комплексу финала раннескифского времени, хорошо представленному на востоке степного пояса (рис. 1Б). Показательно наличие специфично оформленных поясных обойм, имеющих полные аналогии в Аржане-2 и дворцовских памятниках Забайкалья. В наиболее поздних погребениях Юйхуанмяо все удила ещё сохраняют переходные формы VI в. до н.э. (рис. 1, А: 5-9), и нет ни одного комплекта с увеличенными кольцами на концах, характерных с конца VI в. до н.э. для всех культур от Казахстана до Северного Китая включительно. Важно подчеркнуть, что все поясные обоймы в Юйхуанмяо продолжают сохранять конструкцию раннескифского типа, тогда как в V в. до н.э. такие обоймы уже повсеместно заменяются различными накладными бляшками бабочковидных и иных форм. Очевидно, что датировка будет уточняться за счёт многочисленных китайских изделий, но нет сомнений, что основной материал в Юйхуанмяо относится к VI в. до н.э.

По количеству документированных находок Юйхуанмяо превосходит любой из известных могильников и вполне сопоставим со всем собранием находок VI в. до н.э. из Монголии и Сибири. Однако главная особенность могильника Юйхуанмяо заключается в другом – по стратиграфии лёссовых наносов китайскими учёными достоверно установлено, что захоронения совершались последовательно сначала в восточном, а затем в южном направлениях. Иными словами, на основной площади могильника каждое более южное захоронение является и более поздним. Соответственно, можно проследить эволюцию любой категории обнаруженных на могильнике собственно китайских и кочевнических изделий. Для этого достаточно расположить их в порядке распространения кладбища, т.е. от ранней части могильника к поздней. Значение этих материалов трудно переоценить, поскольку они впервые дают возможность достоверно проследить эволюцию инвентаря в течение всего VI в. до н.э., а также синхронизировать кочевнические памятники с датированными древнекитайскими.

Для темы нашего исследования важно следующее наблюдение – в Юйхуанмяо многочисленные переходные изменения в инвентаре, искусстве и погребальном обряде происходили не за несколько десятилетий, а постепенно, вероятно, в течение целого столетия (рис. 1/ А). На этом основании можно с высокой долей уверенности предположить, что принципиальные различия между культурами раннескифского и скифского времени

в Казахстане, на Верхней Оби, Алтае и в Туве, видимо, объясняются значительностью временного разрыва между ними. По каким-то причинам (вероятно, климатическим) раннескифские культуры на данной территории быстро угасают к началу VI в. до н.э., а сохранявшееся на местах население было редким и почти не оставило представительных памятников. На каждой территории могли быть свои особенности. Так, в Горном Алтае, судя по поселенческой керамике и данным антропологии, часть местного населения сохранялась на протяжении всего VI в. до н.э. Эти сделанные по археологическим материалам выводы находят подтверждение в области изучения климата. Согласно последним разработкам на это время в Горном Алтае приходится неблагоприятный для ведения скотоводства температурный минимум, приведший к резкому сокращению населения [15]. Справедливости ради отметим, что никакими данными о сокращении населения в VI в. до н.э. указанные авторы не располагали, но логика их рассуждений понятна. Ухудшение климата ведёт к сокращению стад и приводит к повышенной смертности или оттоку населения из данной местности. С увеличением средних температур (потеплением) условия для выпаса скота улучшались, и тогда эти «незаселённые или слабозаселённые территории осваивались вновь народами с другой культурой» [14. С. 30].

Вполне вероятно, в формировании пазырыкской и других культур на Алтае и в Туве мигранты принимали некоторое участие, но едва ли оно было значительным. Дело в том, что исходных точек ни для одной из них не найдено, все они разные, и на раннем этапе имели некоторые сохранившиеся черты предыдущих культур. Думается, что инновации на каждой территории возникали и распространялись постепенно в течение всего VI в. до н.э. Новый расцвет кочевнической культуры (но уже в иных формах) наступает на Алтае и в Туве лишь в конце VI в. до н.э. Очевидно, тогда и появляется большинство наиболее ранних быстрянских, пазырыкских и уюкско-саглыньских памятников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
2. Шульга П.И. Некоторые итоги изучения деталей конского снаряжения из Минусинского музея им. Н.М. Мартянова // Известия Алт. гос. ун-та. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 4/2. С. 246–252.
3. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

4. Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
5. *Марсадолов Л.С.* Археологические памятники IX–III веков до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2000. 57 с.
6. *Марсадолов Л.С.* Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). Вып. I. СПб., 1997. 56 с.
7. *Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 231 с.
8. *Могильников В.А.* Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 35–67.
9. *Суразаков А.С.* Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд-е Алтайского книжного изд-ва, 1989. 216 с.
10. *Кубарев В.Д., Шульга П.И.* Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.
11. *Чугунов К.В.* Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // *Tetta Scythica*. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2011. С. 358–369.
12. *Шульга П.И.* Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 38 с.
13. *Могильники в горах Цзюньдушань: Юйхуанмяо* // Труды Пекинского городского института культурного наследия. Пекин: Вэнь У чубаньшэ, 2007. 1660 с. (на кит. языке).
14. *Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан* // Труды Пекинского городского института культурного наследия. Пекин: Вэнь У чубаньшэ, 2010. 850 с. (на кит. языке).
15. *Быков Н.И., Быкова В.А.* О синхронности исторических и климатических периодов на Алтае // Эколого-географические, археологические и социэтнографические исследования в южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 24–35.